

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

ГЕОРГИЙ
КАТЮК

ЗАПАД И РУСЬ

ИСТОКИ
ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Георгий Петрович Катюк
Запад и Русь: истоки
противостояния
Серия «Исторические открытия»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21992137

*Катюк, Георгий Петрович. Запад и Русь: истоки противостояния:
Алгоритм; Москва; 2016
ISBN 978-5-906880-44-4*

Аннотация

В книге представлена нетрадиционная версия возникновения противостояния «Восток – Запад», на острие которого оказалась Россия. Расхожее мнение о том, что виной всему природные богатства нашей страны, на которые положили глаз западные толстосумы, звучит неубедительно. По мнению автора, натиск на Восток, как и вообще русофобия, есть продолжение политики Запада в отношении Византии, преемницей которой и стала Россия – «Третий Рим», по выражению монаха Филофея. Узурпировав политическое первенство, Европа не избавилась от застарелой провинциальной болезни – патологической ненависти к имперскому центру, олицетворением которого в ее глазах после Византии стала Россия. Главным инструментом этого политического передела

стали, по мнению автора, крестовые походы. Основной их целью, как убедительно доказывает Г. Катюк, была вовсе не защита христианских святынь, а принуждение Константинополя к принятию западной модели христианства и признанию примата Западной церкви над Восточной. Но на том историческом этапе Западу пришлось довольствоваться лишь частичным успехом – падением Империи и Великим церковным Расколом, – оставив окончательное решение «восточного вопроса» на долю современных крестоносцев.

Содержание

Предисловие	6
Вступление	10
1. Катаризм: ересь или официальная религия?	15
2. Всегда ли евреи были «гонимыми»?	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Георгий Катюк

Запад и Русь Истоки

противостояния

© Катюк Г.П., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Предисловие

Правда о похищении Европы

Выглядит необычным, но фабула этого произведения окончательно оформилась лишь тогда, когда оно близилось к завершению. Именно в это время мне пришла в голову мысль, что все написанное, – а речь шла о событиях Средневековья, – сильно смахивает на сюжет одного «очень древнего» мифа – мифа о похищении красавицы Европы Зевсом, обратившимся в быка.

То, что «античный» миф оказался при этом моложе лет эдак на тысячу с лишним, не показалось мне удивительным. Историография изобилует подобными анахронизмами. Более впечатляющим выглядело практически полное совпадение его сути с основной идеей произведения. Это не могло быть случайностью. Миф, скорей всего, описывал эзоповым языком события, превратное представление о которых я как раз и намеревался разрушить своей работой.

Понятно, что ничего принципиально нового в уже почти завершенное произведение это запоздалое открытие внести не могло. Да от него этого и не требовалось. Достаточно было того, что оно укрепило меня в моей правоте, подчинило все части произведения единой идее. А еще оно придало ему актуальности, обнажив исторические корни современ-

ного противостояния «Восток – Запад».

Изначально же целью работы было решение сугубо исторических задач. Планировалось показать истинное положение дел в религиозной и политической сферах в эпоху Крестовых походов, вскрыть подлинные мотивы и цели крестового движения. Многие на фоне политической обстановки того времени казалось странным и нелепым. Представлялось анахронизмом, например, так называемое «авиньонское пленение пап». Наводили на размышления некоторые детали таких знаменательных событий, как Альбигойский крестовый поход и как бы случайный захват крестоносцами Константинополя в результате IV Крестового похода. Выглядело так, что за мелкими фигурами венецианского дожа и сына свергнутого византийского императора, якобы спровоцировавших этот захват, стояли игроки иного, действительно глобального масштаба, жаждущие коренного передела политической карты мира того времени. И вовсе не о помощи единоверцам шла речь в их планах. Напротив, Византии в них была отведена жалкая роль. Явно не ошиблись тогда дверью крестоносцы, «заглянув» в Константинополь вместо Палестины.

И вот еще с чем хотелось бы определиться в связи со всем этим. Если поход тот был направлен против братьев по вере, коими считаются византийцы, то отчего он тогда именуется «крестовым»? То же касается и катар, которые, как считается, не только по вере были братьями французам, но еще и

по крови. Где логика? Ведь тем самым катары с греками ставятся на одну доску с нехристианами-сельджуками. Внутренняя ересь? Да, но ведь христианская! А может и вправду они не христиане, а турки, соответственно, не враги Константинополя? Вроде бы «детские» вопросы с точки зрения традиционной истории, но оказалось, что они очень даже уместны.

Я уже касался этой темы в своей предыдущей работе, но в рамках других задач¹. Упор тогда делался на происхождении еврейства, в связи с чем позиция катаров, например, их подлинная роль в жизни средневековой Европы и их связь с тамплиерами, – как оказалось, еще одним проявлением византийства, – были даны лишь схематично.

Не стану пока распространяться о связи всех этих вопросов с мифом о похищении Европы. Всему свое время. Что же до их актуальности, то они помогли вскрыть корни *drang nacht Osten* – перманентного натиска на Восток, на острие которого оказывалась и оказывается Россия. Расхожее мнение о том, что виной всему природные богатства этой страны, на которые якобы положили глаз западные толстосумы, звучит неубедительно. Не только в этом дело. Выясняется, что натиск этот, как и вообще русофобия, есть продолжение политики того же Запада в отношении Византии, одной из восприемниц которой и стала Россия – «Третий Рим», по вы-

¹ См.: Катюк Г.П. Израиль, которого не было, или Подлинная история еврейского народа. – М.: Алгоритм, 2014.

ражению монаха Филофея². Даже став центром влияния, Европа не избавилась от застарелой провинциальной болезни – патологической ненависти к имперскому центру, олицетворением которого в ее глазах после Византии стала Россия.

Постараюсь восполнить все эти пробелы в данной работе. Думаю, многое прояснится после этого. В том числе и то, каким образом и у кого на самом деле оказалась похищенной Европа.

² В 1523–1524 гг. в своем письме к дьяку Мисюрю Мунехину псковский монах Филофей написал следующее: «Так знай, христолюбец и боголюбец, что все христианские царства пришли к концу и сошлись в единое царство нашего государя, согласно пророческим книгам, это и есть римское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать».

Вступление

Ибо ничто не пропадает бесследно, ничто и никогда. Всегда есть ключ, оплаченный чек, пятно от губной помады, след на клумбе, презерватив на дорожке парка, ноющая боль в старой ране, первый детский баинмачок, оставленный на память, чужая примесь в крови. И все времена – одно время, и все умершие не жили до тех пор, пока мы не дали им жизнь, вспомнив о них, и глаза их из сумрака взывают к нам. Вот, во что мы верим, историки.

И мы любим истину.

Роберт Пенн Уоррен. «Вся королевская рать»

...Уже почти год десятитысячное войско французского сенешаля Гуго де Арси осаждало крепость Монсегюр – последний оплот еретиков-катаров, против которых папой Иннокентием III (правил в 1198–1216 гг.) был объявлен Крестовый поход. Нельзя сказать, что крепость была так уж неприступна. Гора, вершину которой она венчала, достигала в высоту 1200 м, но ее склоны были достаточно покатыми, чтобы можно было их преодолеть без особого риска для жизни.

Крепостные стены Монсегюра также не впечатляли. Их высота была не более трех с половиной метров. Ничтожным в сравнении с армией осаждающих был и гарнизон крепости. Ее удерживало три-четыре сотни защитников, из кото-

рых далеко не все имели право пользоваться оружием. Тем катарам, которые в результате обряда *consolamentum* (катарское «крещение» наложением рук) стали «совершенными» (*perfecti*), в соответствии с доктриной учения запрещалось применять оружие.

Сейчас можно только догадываться о причинах столь долго длящейся осады. Скорее всего, сенешалю просто не хотелось терять людей. Монсегюр был последней катарской крепостью на пути крестоносцев. Покорение южной Франции было в основном завершено еще в 1229 году, когда покровитель катаров тулузский граф Раймонд VII подписал уничижительный договор о передаче дотоле независимых областей Окситании французской короне. Так что можно было не торопиться, уповая на то, что защитники, снедаемые голодом и жаждой, в конце концов сами сдадутся на милость победителю. Тем более что взять Монсегюр приступом без больших потерь все равно не удалось бы.

Но время шло, а крепость все держалась. Крестоносцы недооценили запас ее прочности. Дело в том, что, во-первых, в ней заранее были созданы огромные запасы продовольствия и оружия, а во-вторых, существовало сообщение между обороняющимися и жителями деревушки Монсегюр, благодаря которому как в провианте, так и в свежем пополнении из смельчаков, готовых постоять за дело веры, не было недостатка. Крестоносцы не могли проконтролировать все горные тропинки, ведущие в замок. Слишком широкой бы-

ла гора у основания, и полностью перекрыть подступы к ней не удалось.

Однако ничто не вечно, и удача стала изменять оборонявшимся. Случилось это из-за успеха баскских (чуть не сказал «сепаратистов») рутьеров (от «рейтар», «рыцарь»; здесь – наемник, солдат фортуны), пиренейских горцев, нанятых сенешалем. Этим непревзойденным скалолазам удалось овладеть небольшим уступом на восточном склоне горы, метрах в восьмидесяти ниже замка.

Это стало началом конца Монсегюра. Крестоносцы соорудили на уступе катапульту и стали методично обстреливать барбакан – деревянный балкон, позволявший защитникам контролировать наиболее доступные для нападения тропы. В концов концов пал и барбакан, и осаждающие взяли под контроль все подходы к крепости, которая, таким образом, оказалась отрезанной от внешнего мира.

Дальнейшее сопротивление стало терять смысл, и вскорости осажденные пошли на переговоры. Условия сдачи крепости, выдвинутые крестоносцами, были на удивление мягкими, однако не таков был характер ее защитников. 14 марта 1244 года катары, еще не прошедшие обряд *consolamentum*, взошли на крепостные стены и совершили его. Отныне смерть им была не страшна, и 16 марта, так и не раскаявшись, хотя условия капитуляции предполагали жизнь и даже свободу в обмен на раскаянье, они были сожжены у подножия горы в деревянном сарае, после чего та местность полу-

чила название «Поля сожженных» (*Prat dels Cremats*).

Сожженных было двести или двести пять человек. (Впрочем, называют и другие цифры.) Крепость по приказу папы была скрыта, что не оставило нам возможности лицезреть ее оригинал, но лишь дубликат, построенный в XVII веке. Впрочем, и от дубликата остались к настоящему времени одни руины, всем своим бесформенным видом как бы предупреждающие о тщетности попыток разгадать тайну популярного движения.

А в том, что тайна существует и по сей день остается нераскрытой, нет никакого сомнения. Причем заключается она отнюдь не в традиционном, набившем оскомину вопросе, куда делись сокровища, будто бы вынесенные из крепости четверьмя ее защитниками за день до роковых событий. Точнее, не только в этом вопросе. Кем на самом деле были катары, в чем подлинная суть их учения и деяний – вот что не дает покоя. Думается, от ответа на эти вопросы напрямую зависит и возможность раскрытия тайны сокровищ (или реликвий).

Вроде бы все здесь уже разложено по полочкам. Кажется невозможным, что после стольких лет скрупулезных исследований что-то могло ускользнуть от внимания ученых. И все же остается ощущение какой-то недосказанности, смутное предчувствие того, что мы столкнулись с чем-то большим, чем специфический феномен юга Франции и севера Испании XII–XIII вв. Не верится в рассказы о «ереси» мест-

ного розлива. Слишком уж обширные связи и аналогии обнаруживаются у катаризма с другими религиозными доктринами и движениями, не исключая даже современных. Это и мучает подспудно исследователей, заставляя их вновь и вновь обращаться к этой теме.

Не Сизифов ли это труд? Трудно поверить, что факты, некогда ускользнувшие от внимания, увидят свет после восьми веков забвения и замалчивания. Но нет ничего тайного, что не стало бы явным. Если не осталось фактов – остались противоречия в трактовках. Они-то и станут нашей путеводной нитью.

1. Катаризм: ересь или официальная религия?

А противоречий в сведениях о катарах хоть отбавляй. Уже само употребление понятия «ереси» по отношению к этому явлению вызывает вопросы³. Со многими вещами оно не стыкуется. Например, с массовостью движения, которое только во Франции охватывало огромные территории, неподвластные короне. Можно ли считать еретиками проповедников, под влиянием которых находилось или хотя бы симпатизировало им население практически всего северного Средиземноморья, включая западные склоны Пиренеев? (И даже это не все. Влиятельные общины катаров существовали в Италии, Германии, Англии, Фландрии, Греции и других европейских странах. Катарами были боснийцы. Вообще же Балканы были охвачены учением богомилов, отличающимся от катаризма, пожалуй, только названием.)

Не слишком ли большие масштабы для ереси?

Уже одно это обстоятельство заставляет поверить скорее в еретичность католицизма, чем катаризма. В этом же убеждает отнюдь не мимолетный характер присутствия учения на указанных территориях. Его, конечно, стараются загнать

³ По местечку Альби, где она получила наибольшее распространение, ересь еще называют «альбигойской».

в узкие временные рамки, пытаясь убедить нас в том, что оно распространилось во Франции буквально перед началом альбигойских войн⁴. Вспыхнуло-де, как огонь, охвативший вязанку сухого хвороста, и так же быстро погасло. Такова позиция официальной церкви, и она вполне понятна. Ей, конечно же, хочется представить катаризм в качестве досадного недоразумения в сравнении с освященными веками католицизмом. Так, наверное, поступают с побежденными все победители. *Vae victis!*⁵

Между тем некоторые источники упоминают о катаризме как о стародавнем учении местного происхождения. А по свидетельству монаха Эвервина из Штайнфельда, сами ката-

⁴ Первые упоминания о катарах и богомилах относятся к XI–XII веку. Вообще в это время было распространено множество учений и сект, которые, не являясь катарскими по названиям, были чрезвычайно близки им по духу. Они отрицали действительность многих церковных таинств, в том числе таинства исповеди и таинства брака. Последнее, кстати, тогда только начало вводиться католической церковью, как бы подтверждая мысль о том, что именно катары были ортодоксами, а не католики, отошедшие от веры отцов. А еще данные секты, или, лучше сказать, группы единоверцев, подобно катарам критиковали культ распятия как орудия казни, отрицали догмат о человеческой природе Христа, отвергали иконопочитание. В 1022 году за подобные взгляды были сожжены на костре двенадцать каноников Орлеанского кафедрального собора. В этом же году ересь обнаружилась в Тулузе, Аквитании и северной Италии (ересь замка Монфорт). Во Фландрии таких проповедников называли «фифлами», в Италии – «патаре-нами». Если учесть, что окончательный разгром окситанских катаров датируется 1321 годом, когда по приказу архиепископа Нарбонны был сожжен Гийом Белибаст – последний из инициаторов так называемой «Реконкисты братьев Отье», то официальная история отводит катаризму триста лет существования.

⁵ *Vae victis!* (лат.) – Горе побежденным!

ры считали свое учение чрезвычайно древним, полагая его родиной Древнюю Грецию⁶.

Трудно поверить, что религия могла принять массовый характер и распространиться на огромной территории в столь сжатые сроки при отсутствии сколько-нибудь действенных средств коммуникации. Причем без каких-либо существенных искажений в различных регионах. Такое характерно лишь для представлений, отшлифованных и принявших законченный вид в ходе многовековой передачи от поколения к поколению и обретших в итоге силу традиции. Да и странную привязанность к «ереси» огромных масс людей, готовность идти ради нее на смерть, легче всего объяснить с помощью той же силы. Вряд ли такая готовность была бы проявлена окситанцами ради доктрины каких-то «понаехавших» из балканской глубинки, в данном случае – болгарских богомилов.

Показателен в этом плане сюжет, приведенный Люшером Ашилем – писателем, которого трудно упрекнуть в отсутствии лояльности к официальному мнению на проблему. В 1203 году Петр (Пьер) де Кастельно, папский легат, дабы получить расположение жителей Лангедока, подтвердил все их муниципальные вольности, но взамен потребовал от них клятву в верности католичеству. «Эта клятва, – добавил он, – не нанесет никакого урона вашим свободам. Именем Папы мы подтверждаем ваши обычаи и ваши привилегии; но

⁶ Anne Brenon. Les Cathares, Albine Michel, 2007, p. 54.

те, кто откажется ее принести, будут преданы анафеме»... Тулузцы согласились и поклялись. Но когда легат сверх того захотел их заставить изгнать еретиков, горожане уперлись. Пришлось припугнуть их гневом князей и королей, нависшим над их головами, перспективой разорения их города и уничтожения богатств. «Они уступили, – пишет монах из Сернея, – силе и из страха. Но едва посланцы Папы уехали, они вновь стали собираться по ночам, чтобы слушать проповедь сектантов. Ах, как трудно отказаться от своих повадок!»⁷

Вряд ли подобное стало бы возможным, будь эти повадки лишь сиюминутным капризом.

Нас пытаются убедить в том, что Окситания «приютила общины катаров». Тем самым создается образ эдакого бродячего юродивого, которого просто пустили переночевать из жалости. Но факты говорят об обратном. Катары не были здесь гостями. Они были хозяевами замков, аристократией Лангедока. Ведь говорят же: «катарские замки», а не «замки, приютившие катаров».

Неизвестно в точности, был ли катаром хозяин этих мест граф Тулузы Раймонд VI. Скорее всего, был (во всяком случае, так утверждал Петр из Во-де-Сернея, хронист Симона де Монфора), но политические интересы вынуждали его мимикрировать под католика. В этом не будет ничего удиви-

⁷ Люшер Ашиль. Иннокентий III и альбигойский крестовый поход. – СПб.: Евразия, 2003. С. 93.

тельного, если вспомнить, что за самим императором Римской империи германской нации Фридрихом II Гогенштауфеном водился такой грешок. Я имею в виду не приверженность к катаризму, а мимикрию. Император был католиком, но его католическая ориентация носила во многом показной характер. Хорошо известна характеристика, данная ему папой Григорием IX: «Этот король чумы утверждает, будто бы весь мир (воспользуемся его словами) был обманут тремя мошенниками – Моисеем, Мухаммедом и Христом, – два из которых почил в славе, а третий – висит на деревяшке... Эту ересь оправдывает он заблуждением, что якобы человек вообще не имеет права верить во что-либо, что не может быть выявлено природой и разумом»⁸.

Впрочем, нельзя отрицать определенные симпатии императора и к катаризму. Известно, что гиббелинские города Италии, – а Фридрих II принадлежал к партии гиббелинов, оппонирующей папистам-гвельфам, – лояльно относились к катарам.

Как видим, не только в Окситании, но и в Священной Римской империи католицизм не занимал достаточно прочных позиций. Что же касается Раймонда VI, то он за покровительство катарам был дважды подвергнут отлучению. Причем причина второго его отлучения, – убийство графским служащим в 1208 году папского легата Пьера де Ка-

⁸ *Глогер Бруно*. Император, бог и дьявол. Фридрих II Гогенштауфен в истории и легенде. – СПб.: Евразия, 2003. С. 115.

ственно, — была настолько серьезной, что послужила одновременно и поводом к началу Альбигойского крестового похода.

Скорее всего, катаром (хотя бы втайне) был еще один хозяин тех мест — Раймонд-Роже де Тренкавель, племянник и вассал Раймонда VI, виконт Безье, Каркассона и Разеса. Его история трогательна. В 1209 году при осаде его родного Каркассона войсками Симона де Монфора он, предчувствуя скорое падение крепости, предложил себя в заложники в обмен на жизни ее обитателей — катаров и евреев. Горожане покинули город целыми и невредимыми, однако сам Раймонд-Роже погиб в заточении у Монфора. Еще один штрих к портрету отважного виконта: его опекуном в детстве был Бертран де Сессак — известный катар.

То есть сказать, что движение катаров имело лишь духовную основу, было бы неверно. Катары помимо всего прочего принадлежали к аристократии Лангедока и поддерживались ею. Причем это была военная аристократия со всеми присущими этому явлению атрибутами — крайней воинственностью, жестокостью и нетерпимостью к любым проявлениям инакомыслия. Уже сам грозный вид и неприступность катарских замков отнюдь не гармонировали с их характеристикой как «добрых людей» или «добрых христиан». Катарское рыцарство вовсе не чуралось насилия и убийств по отношению к своим врагам. Поверить в это, в особенности после рассказов об отказе катаров отнимать жизнь не только у людей, но

даже у животных, крайне трудно. (Кстати, именно благодаря тесту на способность отнять жизнь у животного, а также изможденному в религиозных бдениях внешнему виду, их легко идентифицировала инквизиция.)

В качестве яркого примера воинственности и жестокости «еретиков» можно привести известное избиение католиков, именуемое «резней в Авиньонете». В мае 1242 года семеро инквизиторов во главе с Гильомом Арно прибыли в Авиньонет, расположенный во владениях графа Тулузского (тогда им был Раймонд VII). Здесь они остановились в доме самого графа, любезно предоставленном им городским бальи Раймондом д'Альфаро – племянником графа. Авиньонет слыл еретическим городом, и уже само передвижение по нему без охраны являлось признаком величайшего мужества. Если же учесть, что Гильом Арно своей непримиримостью и принципиальностью настроил против себя верхушку катаров, то его миссию вполне можно приравнять к самопожертвованию.

Им она и ознаменовалась. Раймонд д'Альфаро тотчас сообщил о приезжих катарам Монсегюра, предложив им расправиться с миссионерами. Катары восприняли предложение с радостным воодушевлением. По словам французской исследовательницы Зои Ольденбург, «они ринулись на мрачное randevu с нетерпением влюбленных, жаждущих поскорее вновь увидеть свою милую». В свете данных о неспособности катаров отнимать жизнь даже у животных это крайне удивительно. Не менее удивительно слышать эту инфор-

мацию из уст почитательницы катаров, коей являлась данная исследовательница. Впрочем, это только укрепляет нас в мысли о правдивости сообщения.

Итак, катарские воители, возглавляемые комендантом Монсегюра Пьером-Роже де Мирпуа, в количестве шестидесяти человек нагрянули среди ночи к спящим монахам. Расправа была короткой. Монахи даже не успели спеть «Salve, Regina», как им раскроили черепа секирами⁹. То, что произошло потом, еще меньше напоминало образ действий «добрых христиан». Рыцари занялись банальным грабежом, выглядевшим еще менее привлекательно оттого, что пожитки монахов были более чем скромными. Добычей стали книги, подсвечники, одеяла, ладанки, ножи и прочий нехитрый скарб странствующих проповедников.

Не мешала, стало быть, «чистая» религия грабить и убивать. Но может быть, религия тут ни при чем? Может быть, рыцари давали волю своим низменным инстинктам втайне от общины, будучи садистами-изгоями? Оказывается, нет. «Миссия, на которую Раймонд д Альфаро подвигал людей Монсегюра, – утверждает Зоя Ольденбург, – противоречила христианскому милосердию, но нет оснований предполагать, что Бертран Марти (глава общины катаров Монсегюра. – Г.К.) ее не одобрял».

⁹ «Salve, Regina» – хвалебная песнь Пресвятой Богородице. Исполняется от окончания Пасхального времени до начала Адвента, т. е. периода, предшествующего празднику Рождества Христова у католиков.

То есть, надо полагать, в катаризме существовало такое же «разделение труда», как и в христианстве, где мирянам позволялось и даже вменялось в обязанность делать то, что возбранялось клиру. В данном случае речь идет о собственной армии, призванной отстаивать положения веры методами, кардинально отличающимися от действий клира, в качестве которого выступали «совершенные». Но это опять-таки приводит нас к выводу, идущему вразрез с официальным мнением: религия, которую защищает собственная армия, не может считаться ересью. Слишком большая роскошь для такого пустяка. Еще одно подтверждение того, что катаризм – явление, гораздо более широкое, чем просто духовное подвижничество.

Удивительным открытием на фоне рассказов о чуть ли не вселенской распространенности, древности и совершенстве католицизма воспринимается тот факт, что религия катаров до вторжения французов была в тех местах совершенно легальной и представленной собственными церквями и духовенством. «Катарское движение, – писал Жак Мадоль, – не было инициативой простого люда, оно так же организовано и почти так же широко распространено, как и само христианство: не менее четырнадцати диоцезов во Франции и в Италии, не считая Сербии, Болгарии и Византийской империи»¹⁰.

¹⁰ Мадоль Жак. Альбигойская драма и судьбы Франции. – СПб.: Евразия, 2000. С. 36.

В одном только Лангедоке в начале XII века существовало четыре катарских церкви – Альбижуа, Аженуа, Тулузская и Каркассонская. В 1226 году к ним прибавилась еще одна – Разесская.

Католицизм же, напротив, был здесь ненавидим и гоним, что с горечью отмечал Бернар Клервосский – один из идеологов Крестовых походов¹¹. Ситуация до крайности странная, если вспомнить предысторию этой религии на юге Франции и в Испании. Как рассказывают, еще в VI веке христианство в его католической редакции принял король вестготов Рекаред с супругой и свитой. До этого вестготы были арианами. Католичество было принято Рекаредом по соображениям политкорректности. Его исповедовали испано-римляне, коренное население Пиренеев, и дабы не дать разгореться межконфессиональному конфликту в стране, и было на II Толедском соборе в 587 году принято такое решение.

Собственно, попытки объединения двух конфессий предпринимались и раньше, еще при отце Рекареда – Леовигильде. В правление этого короля вспыхнул прокатолический мятеж под руководством его старшего сына Херменегильда, ко-

¹¹ В 1145 году Бернар Клервосский скорбел по поводу «ужасных оскорблений», наносимых папским посланникам аристократией окситанских «бургад» (укрепленных поселений) и общего состояния религии в регионе: «Церкви стоят без прихожан, прихожане обходятся без священников, священники утратили честь. Здесь остались лишь христиане без Христа. Таинства втоптаны в грязь, больших праздников уже не отмечают. Люди умирают в грехе, без покаяния. Детей лишают жизни во Христе, отказывая им в благодати крещения». По словам священника, в Альбижуа не осталось никого, кто бы выслушал его проповедь.

торый, незадолго до этого, вероятно, не без содействия его жены, франкской принцессы Ингунды, был обращен в католичество. Мятеж, охвативший вверенную Херменегильду область со столицей в Севилье, тогда был подавлен, но во избежание рецидива Леовигильд решил как-то примирить протестующих.

Впрочем, тогда речь шла лишь о незначительных уступках католицизму. Так, на Толедском соборе 580 г. было введено почитание реликвий и мучеников, дотоле неизвестное арианству с его иконоборческой традицией. В пользу католичества была несколько изменена и догматика. Вместо понятия «подобосущности» (*similis*) Сына Отцу было введено понятие их равенства (*aequalis*).

При Рекареде же католичество окончательно восторжествовало на полуострове и прилегающих к нему с северо-запада территориях. Я имею в виду области будущего Тулузского графства, входившие в империю вестготов и ставшие впоследствии оплотом ереси катаров. «Рекаред, – писал Григорий Турский в своей «Истории франков», – прекратил спор, принял католическое вероисповедание и чрез осенение священным крестом и миропомазание уверовал в Иисуса Христа».

Получается нечто странное: вначале среди вестготов, сменивших римлян в этих местах, восторжествовало христианство в католической редакции, а затем неизвестно по какой причине потомки вестготов вдруг резко отпали от него

(вплоть до полного неприятия и даже изгнания его из подконтрольных им территорий) и ударились в катаризм, являющийся, по-видимому, одной из форм их «отчей веры» — арианства!

Но почему в других местах этого не произошло, если католицизм был таким уж никудышным? И почему он при вестготах завоевал всенародное признание?

Причин для подобной метаморфозы не видно. История с принятием католицизма Рекаредом воспринимается как сказка.

То есть, если мы хотим иметь связное представление о прошлом, то должны согласиться с тем, что католицизм возник и утвердился в качестве доминирующей доктрины Запада лишь в эпоху Крестовых войн. Очевидно и то, что в роли пусть даже и несколько поиздержавшегося, но все еще официального имперского учения, тогда выступала как раз религия катаров.

Но если эта религия была действительно такой древней и всеобъемлющей, как здесь выясняется, то широкую известность она должна была получить и в прошлом, пусть даже под другим названием. Но к каким верованиям прошлого ее можно отнести? Мнения исследователей на этот счет разнятся. Одни убеждены в ее происхождении от манихейства — персидской ереси дуалистического характера, изобретенной пророком Мани еще в III веке под влиянием идей зороастризма. Другие усматривают связь с раннехристианским гно-

стицизмом. Третьи, не мудрствуя лукаво, просто производят ее от уже упомянутого богомилства, восторжествовавшего чуть раньше на Балканах и достигшего юга Франции через посредство ломбардских патаренов¹².

Бесспорно, связь со всеми этими учениями есть, – а в случае с богомилами даже и полное тождество, – но что-то не позволяет усматривать в них корни катаризма. Не дотягивает каждое из них до имперской религии. Видимо, надо искать более древнее и универсальное начало.

И здесь следует обратить внимание на еще одну группу оценок. Ряд исследователей видят в «ереси» происки евреев, связывая ее корни с иудейской доктриной. Например, французский историк Мишле называет Лангедок «французской Иудеей» и пишет о его обитателях следующее: «В эту французскую Иудею, как справедливо называли Лангедок, проникли восточные верования: персидский дуализм, мистицизм и манихейство... Руководители брабансонов и альбигойцев, прикрываясь учением Аристотеля, тайно проповедовали пантеизм Аверроэса, тонкости каббалы и вообще иудейские идеи».

У той же Зои Ольденбург можно встретить если не прямое указание на связь с иудаизмом, то хотя бы отнесение ка-

¹² Движение патаренов возникло на севере Италии (ломбардия) в качестве реакции на обмирщение духовенства, симонию, продажу индульгенций и прочие «мерзости» католицизма. Во многом аналогично ереси катаров. Проповедовали бедность, аскетизм, безбрачие, отвергали католическую обрядность. Во взглядах на природу добра и зла, как и катары, обнаруживали дуализм.

таризма к первоначальному христианству, которое, как мы знаем, не сильно отличалось от иудаизма¹³. Вот что она сообщает: «Современные историки (Фернан Ниэль) пишут, что учение катаров было не ересью, а религией, не имевшей ничего общего с христианством. Точнее было бы сказать, что оно не имело ничего общего с тем христианством, которое сформировалось за 10 веков существования Церкви. Религия катаров – это ересь, возвратившаяся к временам, когда догматы христианства еще не выкристаллизовались, и античный мир, столкнувшись с новой верой, искал пути ассимиляции с этой чуждой, чересчур динамичной и живучей доктриной, чьи явные противоречия смущали привыкшие к ясности античные умы».

В другом месте она высказывается еще более определенно: «Катары объявляли себя последователями традиции более древней, более чистой и более близкой к учению апостолов, чем римская Церковь, и требовали считать себя единственными христианами Святого Духа, ниспосланного им через Христа. Казалось бы, в этом они отчасти правы: катар-

¹³ Приведенная выше фраза Григория Турского об обращении Рекареда («Рекаред... уверовал в Иисуса Христа») дает четкое подтверждение этого. Первоначальные христиане или ариане (если, конечно, Рекаред действительно к ним принадлежал, а не был иудеем) воспринимали Христа как обезличенного грядущего мессию (машиаха) в полном соответствии с иудейской доктриной. Распространенное же мнение о том, что арианство содержало веру в Христа хотя бы как в пророка, требует уточнений. Признание Христа скорее всего было напускным и не подчеркивающим его заслуг перед человечеством. Арианство – продукт мимикрии иудаизма в условиях наступления христианства.

ский ритуал, из которого до нас дошли лишь два документа, датированных XIII веком, свидетельствует (и о том же пишет Жан Гиро в своей работе об инквизиции), что эта Церковь, без сомнения, располагала очень древними текстами, восходящими к первоначальной Церкви»¹⁴.

На первый взгляд, сравнение катаризма с иудаизмом или иудео-христианством кажется даже нелепым. Катары не признавали Ветхий Завет, а самого Яхве называли «злым богом». Римскую церковь, признававшую Ветхий Завет, они считали «синагогой Сатаны». (Впрочем, так же и католики называли церковь катаров.) Все положения катаризма восходят к Новому Завету, в особенности – к Откровению Иоанна Богослова. Да и сами себя они называли «добрыми христианами».

А еще, как утверждают, катаризм был дуалистической концепцией, что, собственно, и позволяет усматривать в нем именно манихейское начало, лишенное монотеистической подоплеки иудаизма. В картине мира, нарисованной катарами, присутствовали два бога – добрый и злой. Злым, как уже отмечалось, был бог Ветхого Завета. Добрый бог явился творцом духовного мира, в том числе и человеческих душ. Злой бог, он же Дьявол, он же Сатанаил, он же «Князь мира сего», облек эти души, изначально добрые, в темницу из греховной материи, творцом которой он и являлся, где они

вынуждены томиться, переселяясь из одного тела в другое и не находя выхода. Христос, по их мнению, и был тем указующим перстом, ангелом, который был призван помочь душам освободиться из оков материального мира и воссоединиться с Богом. Средством такого воссоединения служил обряд *consolamentum*, в ходе которого человек становился «совершенным».

К слову сказать, далеко не каждый желающий мог рассчитывать на переход в разряд «чистых», как иначе называли «совершенных». Считалось, что этого достойны лишь люди, сознательно отрестившиеся от соблазнов материального мира и подтверждавшие это праведной жизнью. Все остальные были рядовыми верующими – *credentes*.

Таково вкратце мировоззрение катаров, на первый взгляд, имеющее мало общего с иудейской доктриной. Впрочем, изложено оно здесь в основном по протоколам допросов инквизиции, что не позволяет считать эту трактовку полностью отвечающей действительности. Вряд ли инквизиторы удержались от соблазна исказить учение в целях оправдания своих зверств. Слишком уж мрачным и противоречивым оно здесь представляется для того, чтобы охватить пол-Европы. А уж для жителей Лангедока, славящегося своими балладами, трубадурами и менестрелями и называемого некоторыми «смеющейся цивилизацией», подобная система взглядов и вовсе кажется нехарактерной. Ну а как выбивались в застенках инквизиции нужные показания, мы все прекрасно

знаем.

А поэтому стоит присмотреться к данному вероучению внимательней, используя для этого в том числе и те источники, в которых напрямую о нем не говорится.

И вот что обнаруживается при таком подходе. Оказывается, существовали две разновидности катаризма – радикальный и умеренный. Изложенная выше система представляет собой радикальную разновидность с ярко выраженной дуалистичностью понятия о Боге. Конечно, и в такой форме данная религия имела место быть. Но, думается, наиболее популярным был все-таки умеренный вариант. И вот почему. Безднадегу, нарисованную радикальными катарами, здесь сменял более оптимистичный сценарий борьбы Добра со Злом, Бога с Дьяволом, Света с Тьмой, Духа с Материей. Сатанаил здесь выступает в роли не Бога, но лишь павшего ангела, иногда даже Сына Божьего, который по степени влияния на ситуацию в мире, конечно же, уступает Богу, что предрекает противостоянию Добра и Зла более радужные перспективы.

Нетрудно заметить, что в таком виде катаризм не противоречит не только иудаизму, но и христианству в его ортодоксальной интерпретации. Правда, это, наверное, единственное, что роднит его с христианством. Ибо даже в умеренном своем виде он далек от последнего, несмотря на то, что ссылается на его священные книги. А. Иванов по этому поводу остроумно замечает: «Исследователей катаризма

вводит в заблуждение его христианское внешнее оформление. Но оно было непрямым условием сохранения жизни, свободы и возможности вести пропаганду. Нам в условиях коммунистической диктатуры тоже постоянно приходилось мимикрировать под язык господствующей идеологии, выступать, скажем, за «чистоту ленинизма», как в Средние века призывали вернуться к первоначальному христианству. При этом среди нас были и такие, кто действительно верил в этот самый чистый ленинизм, а были и такие, кто ленина на дух не переносил, и тем не менее с совершенно серьезным видом ссылался на его авторитет. Это диктовалось не только инстинктом самосохранения, но и тем, что народ был приучен к определенному языку и другого языка просто не понимал. Поэтому и приходилось ссылаться на ленина, а не, скажем, на Жоржа Сореля»¹⁵.

А вот с иудаизмом «ересь» была связана более основательно. Уже сама легенда о падении Сатаны, используемая катарами, свидетельствует об этом, ибо берет свое начало в ветхозаветных, т. е. иудейских преданиях¹⁶. Само слово *сатан* в переводе с иврита означает «противник», «клеветник». Но, самое главное, эта легенда дает основание для вы-

¹⁵ Иванов А. Катары, тамплиеры, масоны. Второе падение Монсегюра. – М.: Профит Стайл, 2008.

¹⁶ Пророк Иезекииль сравнивает царя Тира с херувимом, «чьи одежды были украшены сверкающими драгоценными камнями, который был низвергнут Богом из Эдемского Сада на землю за то, что он впал в грех гордыни». [Иез. 28:11–19].

вода о монотеистической подоплеке катаризма. Падший-то ангел, которого обуял грех гордыни, был всего лишь ангелом, а не Богом. Иерархия исключает равенство.

И вообще, не мешает ведь та же легенда иудаизму считаться монотеистической доктриной?

Скорее всего, какая-то часть катаров неправильно усвоила суть учения, представив ангела равным Богу. Может, именно из-за этого и пал Лангедок, где угнездилась община радикалов, проповедующая одиозные, дуалистические взгляды, несовместимые как с общей линией катаризма, так и с ортодоксальным христианством. Твердые, непреклонные радикалы-фанатики, практически фидайны (файдиты), первыми попадали под топор инквизиции. Их показания и фигурируют в основном в материалах допросов инквизиции. Поскольку же именно на этих материалах базируются наши представления о доктрине катаров, то становится понятным, отчего они столь противоречивы.

Другое дело – умеренные катары. Они не попадали в поле зрения инквизиции, вдобавок ко всему мимикрировали, отчего их и не рассматривают в качестве типичных еретиков. Подтверждением этого является следующая закономерность: в тех странах, где еретики занимали умеренные позиции, никаких гонений на них не было.

В том, что именно умеренный, близкий к монотеизму, вариант учения получил наибольшее распространение среди катаров, убеждены многие авторы. Вот что пишет по этому

поводу Жак Мадоль: «Что же касается дуализма, то он никогда не доходил, как уже говорилось, до признания двух равных божественных начал, как, например, в маздакизме, и ограничивался отведением Сатане более важной роли, чем в католической теологии. К тому же, здраво рассуждая, следует вспомнить о видном месте дьявола в средневековом менталитете. Не само ли Евангелие считает его Князем мира сего? (Ио. 11:31; 14:30; 16:11). Разве не Христос заявил, что не возносит молитв за этот мир? Если катарский дуализм и был радикальнее практического дуализма, весьма распространенного в средневековом христианстве, то по существу не отличался от него»¹⁷.

И все-таки некоторый оптимизм и монотеизм доктрины умеренных катаров еще не ставит знак равенства между ней и иудаизмом. Те же качества присущи и христианству, но это не делает его еврейской верой. Что еще роднит это вероучение с «древнейшей из религий»?

В качестве еще одной точки соприкосновения можно назвать иконоборческую традицию, которой катары следовали неукоснительно. Они, как и иудеи, не признавали креста, других религиозных и христианских символов, изображений Бога и святых. Традиция опиралась на известную заповедь Моисееву из Второзакония.

Еще одним примером сходства является возложение рук

¹⁷ Мадоль Жак. Альбигойская драма и судьбы Франции. – СПб.: Евразия, 2000. С. 31.

– древний библейский обряд, использовавшийся катарами вместо христианского крещения. В древнем иудаизме посредством возложения рук священниками и левитами передавалось право совершать священнослужение. У катаров данный обряд помимо всего прочего символизировал переход верующего в разряд «совершенных», т. е. практически то же самое, ибо «совершенные» составляли духовную элиту религии – ее священство.

Но и это не самое главное из того, что роднит катаров с иудеями. Ведь и в христианстве по сей день практикуется данный обряд, где он называется «рукоположением» или «хиротонией» и означает посвящение в церковную должность. Настоящее сходство проявляется в другом. Я имею в виду такой раздел религиозной догматики, как сотериология, т. е. учение о спасении. Здесь можно увидеть то единственное, что явно уводило катаров от христианства в сторону иудаизма. Собственно, именно сотериология предоставляет наиболее мощный аргумент в пользу выводов об антихристианстве катаров, аргумент, который, видимо, и послужил импульсом к началу Альбигойского крестового похода.

Уже сами понятия «совершенные» и «богоизбранные» обнаруживают определенное сходство. Даже не зная их содержания, можно догадаться, что речь идет о некой элите. Но и по содержанию они означают людей, достойных спасения. То есть спасение доступно не всем, но лишь тем, кто его достоин, «избранным». Разница между понятиями заключа-

ется только в том, кого считать таковыми. В иудаизме спастись можно лишь путем следования Закону. «Избранным» является тот, кто следует Талмуду, неукоснительно соблюдает религиозные обряды, предписания и нормы. В катаризме больше внимания уделяется нравственным принципам, морали, духовному совершенству. Общий же лейтмотив таков: не спасетесь, если не приложите к этому усилий. Или, если хотите, спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

Ибо Спасителя в мире, по мнению иудеев и катаров, нет. Никто, так сказать, не даст нам избавленья... Мир безбожен, ибо, как утверждают иудеи, Бог, сотворив его, самоустранился от своего творения, а в катарской версии – мир хоть и сотворен Богом, но извращен Люцифером (Сатаной, Дьяволом, Князем мира сего), опутавшим чистые души человеческие тенетами греховных материальных оболочек. Это в лучшем случае. В худшем же «мир сей» вообще является творением этого самого Люцифера, а отнюдь не Бога. Единственное, что внушает здесь хоть какой-то оптимизм – это робкое присутствие Христа в качестве связующей нити между Творением (в данном случае человеческими душами) и Творцом.

Совсем не так в христианстве. Здесь Христос – уже настоящий Спаситель, Бог. Своей искупительной жертвой он расплатился за первородный грех Адама и Евы. Первочеловеки, несмотря на запрет Божий, вкусили запретного плода от древа познания Добра и Зла, что принесло в мир неисчис-

лимые страдания, болезни и смерть. Искупительная жертва дала возможность спастись любому, независимо от того, достоин он этого или нет.

Нельзя сказать, что спасение является в христианстве сто процентным. Остаются еще личные грехи, за которые грешник должен получить по заслугам на том свете, но плюсы тем не менее налицо. Мир стал менее мрачным, заиграл всеми цветами радуги. Исчезло ощущение вины, преследовавшее человека с самого начала его сознательной жизни. Но и без минусов не обошлось. Поубавилось стимулов к духовному совершенствованию. И все по той же причине: появилась возможность спастись, не прикладывая к этому особых усилий. Ведь Спаситель авансом искупил наши грехи.

Конечно, и здесь имеют значение так называемые «добрые дела» и воздаяние за личные грехи на том свете, но сути это не меняет. Христианство не налагает на человека столь суровых нравственных ограничений, как это делает религия катаров. Впрочем, можно ли считать это минусом, зависит от жизненной позиции. А вот то, что в христианстве отсутствует дискриминация по признаку «избранности» или «совершенства», уже точно минусом не является.

Но мы несколько отвлеклись. Становится очевидным поразительное сходство между катаризмом и религией евреев. И все же, несмотря на все старания, полностью отождествить доктрины не удастся. Как мы только что увидели, даже в сотериологии, где обнаруживается наибольшее сходство меж-

ду ними, не менее отчетливо выглядят и различия, что позволяет некоторым даже выделять учение в самостоятельный раздел религиозной мысли.

Вопросы, возникающие в связи со всем этим, невозможно решить, основываясь только на букве учения катаров и их приключениях в Лангедоке. А решить их надо, ибо не покидает ощущение, что мы стоим на верном пути и роль еврейства в формировании ереси и того, что с ней связано, все-таки недооценена.

И здесь без анализа данных, выходящих за рамки изучения собственно южнофранцузского феномена, не обойтись. И в первую очередь не мешало бы озаботиться вопросом о том, насколько хорошо мы знаем сам иудаизм и его приверженцев. Ведь может случиться так, что в те времена он был не совсем таким, как сейчас, и, возможно даже, не сильно отличающимся от катаризма. И хотя уже сама постановка этого вопроса пахнет крамолой, – предполагается, что религия евреев на всем протяжении своей трехтысячелетней истории не подвергалась пересмотрам, – необходимо проверить эту догадку, могущую в случае своего подтверждения перевернуть имеющиеся представления о катарах.

Это может стать ключом и к пониманию истинного отношения катаров к Ветхому Завету, считающегося неприязненным и отвергающим всякую возможность связи двух религий. Где гарантии, что первоначальная редакция Книги не отличалась от той, которая получила хождение в более позд-

ние времена? И что мешает допустить, что катарами отторгалась лишь современная им редакция Библии, которую они могли не считать аутентичной? Ничего. Тем более что имеются факты в пользу этого допущения.

В книге Жака Мадоль есть описание церемонии *consolamentum*, основанное на фрагменте из «Альбигойской истории» Петра из Во-де-Сернея. Так вот, наряду со словами, нацеливающими послушника на отказ от мирских благ, в речи наставляющего (Старца) звучит фраза из книги пророка Экклезиаста, входящей в канон Ветхого Завета. «И в Книге Соломона написано: „Я узрел все, что творится под солнцем, и все есть тщета и томление духа” (Экл. 2:17). А Иуда, брат Иакова, наставляя нас, говорит: „Гнушайтесь даже одеждою, оскверненной плотью” (Иу 1:23). И, внимая этим наставлениям и многим другим, вам надлежит исполнять волю Божию и ненавидеть мир. И если вы будете так поступать до самой кончины, мы надеемся, что душа ваша обретет вечную жизнь».

По этому поводу Жак Мадоль замечает: «Эта речь заслуживает обстоятельных комментариев. Она так же ортодоксальна, как и первая; что же до ссылки на Книгу Экклезиаста, то она доказывает, что катары не отбрасывали весь Ветхий Завет»¹⁸.

Можно и по-другому истолковать данный фрагмент. А

¹⁸ Мадоль Жак. Альбигойская драма и судьбы Франции. – СПб.: Евразия, 2000. С. 35–36.

что, если катары полностью признавали Ветхий Завет, но в редакции, отличающейся от современной и используемой ныне католиками? Если да, то надо будет согласиться и с тем, что такая редакция как минимум существовала, а стало быть, имелось два варианта Библии – древний и современный. Это может стать еще одним камнем в огород тех, кто верит в неизменность иудаизма. Но прежде чем заняться вопросами предполагаемой в этой связи эволюции этого учения, хотелось бы приблизиться к пониманию субъекта этой эволюции – еврейского народа. Или того, с чего некогда «есть пошел» еврейский народ и чему, собственно, он и обязан своей «богоизбранностью».

...Кажется, все уже известно на этот счет. Историки копаются в деталях, не замечая, или делая вид, что не замечают, указанных противоречий. Однако такой подход не приближает к истине. Ведь последняя как раз и проявляется в противоречиях. Поэтому иногда полезно бросить археологическую лопатку и просто переосмыслить происшедшее...

2. Всегда ли евреи были «гонимыми»?

Если просуммировать все известное о евреях и иудаизме, то получится парадоксальная картина. Евреи, этот ничтожный в количественном отношении народ, будучи выселенным после череды антиримских восстаний со своей исторической родины, не только не оказался на грани вымирания, что было бы вполне естественно для беженцев, но расплодился так, что заполонил собою все живописные уголки территории своего смертельного врага – Римской империи. Никакая живность в неволе не размножается, однако же это незыблемое правило почему-то не коснулось евреев, как бы подтверждая их пресловутую «богоизбранность». Мало того, несчастные изгнанники каким-то непостижимым образом умудрились позанимать в империи все ключевые посты, что по сей день вызывает страшное негодование со стороны антисемитов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.